

УДК 811.161.1

**ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ВОЙНЫ И МИРА
В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»
(на материале эпизода «Пьер Безухов на Бородинском поле»)**

© 2010 г.

О.В. Ланская

Средняя школа № 14, Липецк

o.vlad.lanskaja@rambler.ru

Поступила в редакцию 12.05.2010

Языковое воплощение пространства войны и мира в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» зафиксировано с помощью лексических единиц *место, природа, человек* и т.д., ключевыми словами *дорога* и *курган*, создающими фрагмент языковой картины мира второй половины XIX века.

Ключевые слова: сема, ключевое слово, синтагма, лексико-тематическая группа, языковая картина мира.

Пространство в художественном тексте характеризуется по-разному. Существует пространство объективное и субъективное; концептуальное и художественное; мыслимое и реальное; открытое и замкнутое; расширяющееся и сужающееся и т.д. Языковое воплощение пространства представлено, с одной стороны, в разных частях речи (существительных с семами 'место', 'вещи'; глаголах с семами 'движение', 'звук', 'запах', 'состояние души', 'атмосфера'; пространственных предлогах и наречиях); с другой – словосочетаниями и предложениями. По Н.А. Николиной, языковые средства, с помощью которых описывается пространство, – это «синтаксические конструкции со значением местонахождения, бытийные предложения, предложно-падежные формы с локальным значением, глаголы движения, глаголы со значением обнаружения признака в пространстве, наречия места, топонимы и др.» [5: 147]. С точки зрения Е.С. Кубряковой, «пространственные значения и значения пространственных (локативных) отношений проходят фактически по всем знаменательным частям речи и формируют <...> разные классы ориентиров (предлогов, наречий и местоимений) [4: 28].

Цель статьи – проанализировать языковое воплощение пространства войны и мира в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» на материале эпизода «Пьер Безухов на Бородинском поле» (т. 3, ч. 2, гл. XXI–XXIII). Данный эпизод подготавливает восприятие Бородинского сражения, рисует место действия, характеризует одного из главных героев романа – Пьера Безухова. С помощью языка и речи создается языковая картина мира, в которой зафиксировано реально-

конкретное пространство, связанное с особо значимыми для истории России событиями.

Решение Пьера Безухова посетить перед Бородинским сражением местность, где должно было состояться это сражение, во многом определяет те изменения, которые произошли в мировоззрении героя, в силу складывающихся обстоятельств и по своей воле оказавшегося вовлечённым в поток истории. Вначале участие Пьера Безухова в событиях определяется объяснением, которое он даёт случайно повстречавшемуся ему молодому доктору: – *Да вот хотелось посмотреть ...* (6: 199).

Ключевым в эпизоде «Пьер Безухов на Бородинском поле» является слово *курган*. Для Пьера курган – это своеобразная точка отсчёта, организующая вокруг себя всё пространство. Данная лексическая единица, восходя к древнерусскому *коургань* «могильный холм», затем *кургань* «крепость», приобретает семы 'укрепление', 'война', 'жизнь' и 'смерть' [6 т. 2: 424].

Точкой отсчёта в этом пространстве при описании пейзажа является и время, которое определено в предложении *Было часов одиннадцать* (6: 200), фиксирующем время точное и одновременно приблизительное, что придаёт всему повествованию характер воспоминания.

Пространство по вертикали в данном эпизоде структурировано с помощью существительного *солнце*, наречий *влево* и *сзади*. Это пространство неоднородное, т.е. слоистое, многомерное, пересекающееся, антропоцентрическое: *Солнце стояло несколько влево и сзади Пьера и ярко освещало сквозь чистый, редкий воздух огромную, амфитеатром по поднимающейся местности открывшуюся перед ним панора-*

му (6: 200). Отличает описание панорамы картографическая точность. Автор, изображая панораму, употребляет наречия *вправо, влево, направо, вверх, вдали, впереди, везде*, существительные *спуски, подъёмы*, синтагмы *лежавшее в пятистах шагах впереди* (о Бородино) (6: 200), *к видневшемуся вёрст за шесть селению Валуеву* (6: 201), топонимы *Бородино, Валуево, Беззубово, Захарьино, Семёновская*. Обозначены названия рек *Москва и Колоча*. Как антонимы выступают синтагмы *местность была ущелиста и гориста* и *местность была ровнее* (6: 201), которые также определяют характер пространства.

Структурируют пространство и ключевое слово *дорога*, а также слова *лес, поле, река, горизонт*: *Вверх и влево по этому амфитеатру, разрезывая его, вилась большая Смоленская дорога, шедшая через село с белой церковью; Дорога переходила под деревней через мост и спуски и подъёмы; За Валуевым дорога скрывалась в желтеющем лесу на горизонте; Направо, по течению рек Колочи и Москвы, местность была ущелиста и гориста* (6: 200–201). Все эти номинации свидетельствуют о том, что в третьем абзаце главы XXI (т. 3, ч. 2) в миниатюре представлены «основные стихии русской природы по своему историческому значению» [3: 82].

Пространство, описанное автором, принадлежит войне и миру одновременно: *Налево <...> были поля с хлебом*, и виднелась одна *дымящаяся, сожжённая деревня – Семёновская* (6: 201). Синтагма *поля с хлебом* имеет семы 'крестьянский труд', 'благополучие', 'счастье', 'мир', 'покой', 'пища', 'жизнь'; синтагма *дымящаяся, сожжённая деревня* – семы 'горе', 'страдание', 'война', 'разорение', 'смерть'.

Важно отметить и то, что Пьер, так внимательно рассматривающий поле будущего сражения, никак не может понять характер представшей перед его глазами местности. Это непонимание выражается в использовании ряда однородных членов предложения, в котором представлены слова с разными семами, а именно: 'место' (*поляны, поля, леса, курганы*), 'вода' (*ручей*), 'природа' (*поляны, поля, леса, курганы, ручей*), 'населённый пункт' (*деревня*), 'продукты сгорания' (*дымы костров*), 'вооружённые люди' (*войска*). То есть в одном ряду оказываются слова, имеющие разное значение и как однородные члены воспринимающиеся только с точки зрения синтаксиса. Этот ряд однородных членов характеризует неоднородное пространство, в котором всё перемешано и в котором Пьер ничего не мог понять. Неоднородное пространство фиксируется также противопоставле-

нием с союзом *а*, текстовыми антонимами: *Везде было не поле сражения*, которое он ожидал видеть, а *поля, поляны, войска, леса, дымы костров, деревни, курганы, ручьи*; и сколько ни разбирал Пьер, он в этой живой местности не мог найти позиции и не мог даже отличить наших войск от неприятельских (6: 201).

Неоднородность пространства, его деформация подчёркиваются также расположением войск, что находит отражение в антонимах *наши войска – неприятельские, наши – французы, наши – он, наше – его*:

– Там *наши?* – спросил Пьер. – Да, а вон подальше и *французы*, – сказал офицер (6: 201); – Это опять *он* (курсив Л.Н. Толстого), – сказал офицер. (Это был Шевардинский редут.) – Вчера было *наше*, а теперь *его* (курсив Л.Н. Толстого) (6: 202). Местоимение *он*, выделенное автором в тексте курсивом, обозначает не только французов, но также и Наполеона: *Что он перевёл сюда войска, это обман; он, верно, обойдёт справа от Москвы* (6: 202). В местоимении *он* отражена народная точка зрения на неприятеля. *Он* обозначает неприятеля, французов, нечистую силу. См. у В.И. Даля: «Иные не называют домового иначе, какъ просто *онь*» [2 т. 2: 673].

Употребление формы единственного числа вместо множественного (*он* вместо *они*), несённость такого же рода в антонимическом ряду «*наши – он*» усиливает экспрессию речи и придаёт ей глубокий обобщающий смысл» [1: 138].

Само местоимение *наши* обозначает в тексте не только русскую армию. Фактически оно имплицитно содержит целый спектр разных значений, зафиксированных в Словаре В.И. Даля: «*намъ принадлежащій, собина наша; къ намъ относящійся; намъ свойственный, сродный; близкій тому, что на сей разъ называемъ мы: семь□, обществу, государству*» [2 т. 2: 500]. Обозначает данное местоимение и всеобщность, принадлежность индивидуального к общему. *Наши* – это сам Пьер, офицеры, у которых он выяснял, *какая деревня впереди* (6: 201), ополченцы, старый унтер-офицер и другие люди, штатские и военные, вовлечённые в круговорот событий и оказавшиеся на Бородинском поле.

Деформация пространства зафиксирована и в вопросительных предложениях с общим значением 'попытка выяснить расположение наших и неприятельских войск': – Там *наши?* – спросил Пьер; – Где? Где? – спросил Пьер; – Ах, это *французы!* А там?..; – Так как же *наша позиция?*; – Ах, *наши!* А там?... (6: 201–202).

Поле сражения описано в главе XXI дважды. Первый раз мы видим его глазами Пьера; второй – глазами неизвестного офицера, который даёт подробные пояснения, так как сам принимал участие в строительстве укреплений. Для Пьера пространство связано с перспективой, направлением в сторону Москвы (*вглубь, выше, Смоленская дорога*), причем это пространство освящённое: *В лесу этом, берёзовом и еловом, вправо от направления дороги, блестел на солнце дальний крест и колокольня Колоцкого монастыря* (6: 201). Для офицера характерен взгляд военного человека, т.е. пространство структурируется с помощью сугубо военной терминологии, а также с помощью слов, обозначающих важные стратегические пункты: *центр, левый фланг, правый фланг, левое крыло, мост, переправа*. При этом взгляд скользит по главенствующим точкам (*церковь, курган, дуб*). В целом же перспектива при описании местности выстраивается сверху вниз (взгляд с кургана).

Точность и достоверность описания, отнесённость к настоящему времени передаётся через использование повторяющихся наречий *тут, там и вон* с семей 'место', антонимами *там – тут, здесь*. Изменение пространства во времени представлено с помощью наречия *вчера*: *Вот, видите ли, центр наш в Бородине, вот тут*. – Он указал на деревню с белой церковью, бывшей впереди. – *Тут переправа через Колочу. Вот тут, видите, где ещё в низочке ряды скошенного сена лежат, вот тут и мост. Это наш центр. Правый фланг наш вот где (он указал круто направо, далеко в ущелье), там Москва-река, и там мы три редута построили очень сильные. Левый фланг... – и тут офицер остановился. – Видите ли, это трудно вам объяснить... Вчера левый фланг наш был вон там, в Шевардине, вон, видите, где дуб; а теперь мы отнесли назад левое крыло, теперь вон, вон видите деревню и дым? – это Семёновское, да вот здесь, – он указал на курган Раевского* (6: 202).

Затем описание будущего поля сражения представлено в главе XXIII как бы изнутри, в движении. Пространство вновь структурируется через оппозицию «война – мир». Мир – это село Бородино, ряды скошенной, пахнувшей сеном травы (6: 208), это избы, овины, рожь, пашня, берёзовый лес, курган. Война – это сгоревшее Семёновское, уничтоженные избы и овины, погубленная рожь, земля, которая раньше использовалась для выращивания хлеба насущного, теперь же на ней сооружаются редуты и флеши, проложена по пашне дорога, то есть война – это разрушенный крестьянский мир: *солдаты растаскивали последние брёвна изб и овинов; они проехали вперёд через поломанную, выбитую, как градом, рожь, по вновь проложенной артиллерией по колчам пашни дороге на флеши* (6: 208–209). Итак, описание будущего поля сражения представлено в тексте рядом лексико-семантических, лексико-тематических групп, ключевыми словами, восходящими к оппозиции «война – мир» и создающими фрагмент языковой картины мира второй половины XIX века.

Примечание

1. Цитаты из романа Л.Н. Толстого приводятся по изданию: Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22 томах. Т. 6. Война и мир. М., 1980. В круглых скобках указываются том и страница.

Список литературы

1. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 2002.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 2006.
3. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987.
4. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка. // Известия РАН. Серия литературы и языка, 1997. Т. 56. № 3.
5. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студентов высших пед. учеб. заведений. М., 2003.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М., 2004.

THE EMBODIMENT THE OF SPACE OF WAR AND PEACE IN THE LANGUAGE OF L.N. TOLSTOY'S NOVEL «WAR AND PEACE» (based on the episode «Pierre Bezukhov at Borodino»)

O.V. Lanskaya

The language space of the war and peace is fixed in the text by means of the lexical units *place, nature, man* and some others, while the keywords *road* and *burial mound* create a fragment of the language picture of the world in the second part of the 19th century.

Keywords: seme, keyword, syntagma, lexical-thematic group, language picture of the world.